

Контурь внешней политики лидеров Китайской Народной Республики пятого поколения*

© 2014

В. Портыков

Проанализированы первые итоги реализации внешнеполитического курса лидеров КНР пятого поколения. Выделены «черты преемственности и новизны» в международной деятельности Си Цзиньпина и его команды. Показано, что в Пекине особо отмечают инновационный характер современной китайской дипломатии.

Ключевые слова: КНР, пятое поколение лидеров, внешняя политика, итоги первого года, контурь на перспективу.

1. Внешняя политика Китая в первый год пребывания у власти пятого поколения лидеров КПК и КНР представляет интерес не только сама по себе, но и с точки зрения того, насколько она позволяет судить об особенностях и приоритетах курса Си Цзиньпина — Ли Кэцяна на мировой арене на весь период их ожидаемого нахождения во власти, то есть на десятилетие 2013–2022 гг. Представляется, что к концу 2013 г. уже накоплена «критическая масса» деклараций нового китайского руководства и его практической международной деятельности, минимально необходимая для комплексного анализа обновленного внешнеполитического курса КНР и первых прогнозов его дальнейшей эволюции.

2. Прежде всего возникает естественный вопрос о «чертах преемственности и новизны»¹ во внешней политике Пекина после XVIII съезда правящей Коммунистической партии Китая. Создается ощущение, что ситуация еще не определилась окончательно, и обновляемая концепция внешней политики страны носит пока достаточно пестрый, эклектичный характер.

3. Однозначно сохраняет свою действенность общая конфигурация приоритетов взаимодействия КНР с внешним миром.

Основным из них остаются отношения с великими державами, при этом в подавляющем большинстве комментариев китайских политологов поставленная съездом задача формирования отношений нового типа между державами понимается как выстраива-

Портыков Владимир Яковлевич, доктор экономических наук, профессор, заместитель директора Института Дальнего Востока РАН, главный редактор журнала «Проблемы Дальнего Востока». E-mail: portyakov@ifes-ras.ru

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ, грант № 12–03–00376 «Современный внешнеполитический курс Китайской Народной Республики и заветы Дэн Сяопина».

ние Китаем конструктивного партнерства с США на основе равноправия и взаимного уважения. В отдельных публикациях в категорию «междержавных отношений» включаются и отношения КНР с Россией, но это скорее исключение, чем правило.

Последовательная политика добрососедства приобретает особую важность в свете того обстоятельства, что наблюдавшаяся в предыдущие несколько лет повышенная жесткость Китая в отношении ряда государств, входящих в его «соседское окружение», поколебала имидж Пекина в регионе.

Наконец, КНР продолжает позиционировать себя на мировой арене в качестве прежде всего развивающейся страны, подкрепляя соответствующие декларации налаживанием связей с новыми для нее партнерами (так, в 2013 г. получили развитие контакты на высшем уровне с рядом государств Карибского бассейна).

4. Главной внешнеполитической новацией Си Цзиньпина стал лозунг о необходимости достижения «китайской мечты». В самом общем плане под этим понимается «возрождение китайской нации» в два шага — к столетию КПК (2021 г.) достичь уровня «средней зажиточности», а к столетию КНР (2049 г.) войти в число развитых государств мира.

«Китайская мечта» является понятием комплексным, охватывающим различные аспекты функционирования государства. В КНР превалирует мнение, что на сегодняшний день еще рано говорить о возрождении китайской нации как о событии свершившемся. Для этого необходимо, прежде всего, восстановление единства китайского государства и китайской нации, то есть восстановление юрисдикции Пекина над Тайванем. Кроме того, в начале XIX в. доля Китая в мировом валовом продукте составляла одну треть. Возможно, достижение в перспективе такого же уровня может рассматриваться как своеобразный критерий возрождения страны и нации.

Ведущие политологи КНР указывают, что как само понятие «китайской мечты», так и ее осуществление на практике имеют существенное международно-политическое измерение. Как полагает вице-президент Академии общественных наук Шанхая Хуан Жэньвэй, для достижения «китайской мечты» нужно мирное окружение, и Китай, несмотря на рост его мощи и влияния, следует курсом *мирного* возвышения. Следует также ожидать увеличения роли Китая в глобальном управлении, существенного укрепления международных позиций китайского юаня как одной из крупнейших мировых валют, беспрецедентно быстрого роста «мягкой силы» страны вслед за ее «культурным возрождением»².

5. Новацией калибром поменьше, чем «китайская мечта», но также способной породить серьезные геополитические последствия, стало предложение Си Цзиньпина о создании «инновационной модели сотрудничества» — совместном строительстве экономического пояса «шелкового пути»³. Предложенный проект предлагает соединение интеграционных усилий Евразийского экономического сообщества и Шанхайской организации сотрудничества, включая государства, имеющие в ней статус наблюдателей. Таким образом, благодаря инициативе Си Цзиньпина КНР может превратиться в главного экономического и политического игрока обширного региона, охватывающего Центральную, Южную и Западную Азию. В целом политика Китая в Азии, в которой до сей поры преобладало восточноазиатское направление, получает определенный шанс стать географически более сбалансированной и комплексной.

6. Появились первые признаки модификации некоторых «фундаментальных опор» внешнеполитического курса четвертого поколения лидеров КНР. Именно так, на мой взгляд, следует оценить публикации, констатирующие определенную обусловленность приверженности Китая пути мирного развития. Как полагают шанхайские эксперты Хуан Жэньвэй и Лю Хунсун, стратегия мирного развития страны будет успешной в том случае, если удастся добиться «мирного объединения двух берегов Тайваньского пролива, обеспечить благоприятное развитие китайско-американских отношений и добиться признания большинством государств международного сообщества институци-

ональных основ и системы ценностей Китая в качестве равноценных». Напротив, «если Америка бросит все свои силы на противодействие Китаю, то его подъем может прерваться на середине пути»⁴.

7. Объективно степень новизны внешнеполитических новаций команды Си Цзиньпина не следует преувеличивать, ведь та же «китайская мечта» генетически прямо связана с доминантой предшествующего десятилетия — концепцией «мирного возвышения» Китая⁵.

Однако в разъяснениях и комментариях китайских официальных лиц и политологов акцент в настоящее время делается не на преемственности, а именно на новизне внешнеполитического курса пятого поколения лидеров страны. Показательна в этом отношении статья Ян Цзечи — члена Госсовета КНР, курирующего в правительстве внешнюю политику, «Инновации в теории и практике дипломатии»⁶. По его словам, «будучи более комплексной и лучше сбалансированной, дипломатия Китая в новых условиях демонстрирует такие черты, как богатство идей, ясные приоритеты, твердая позиция, гибкие подходы и самобытный стиль». Это позволило ей, полагает Ян Цзечи, «добиться в короткие сроки ряда крупных прорывов», в числе которых — выдвижение понятия «китайской мечты», начало строительства новой модели отношений с США — неконфликтной, неконфронтационной, основанной на принципах обоюдного выигрыша и взаимного уважения, и т.д.

8. Один из ведущих специалистов по современным международным отношениям Китая профессор Ван Ичжоу из Пекинского университета особо подчеркнул то обстоятельство, что Си Цзиньпин и Ли Кэцян представляют первое поколение лидеров страны, родившихся после основания КНР в 1949 г. В силу этого они «несут меньшее историческое бремя, чем их предшественники, и обладают иным мироощущением — более уверенным, амбициозным и предприимчивым»⁷.

И в самом деле, отличие внешнеполитического стиля Си Цзиньпина от манеры поведения в международных делах его предшественника бросается в глаза и проявляется буквально во всем — от динамичности и диапазона действий до большей личной эмоциональности.

В то же время, нельзя забывать, что в первый год пребывания у власти предыдущих лидеров — Ху Цзиньтао и Вэнь Цзябао — их внешнеполитическая активность была заметно приглушена вследствие чрезвычайных обстоятельств — эпидемии атипичной пневмонии. Однако даже в тех сложных условиях удалось сделать немало. Состоялся важный для обеих сторон визит Ху Цзиньтао в Россию; поездка в Эвиан для встречи с лидерами большой «восьмерки» стала первым шагом в приобщении Пекина к «элитному клубу» мирового глобального управления, наконец, в конце года была выдвинута концепция «мирного возвышения» Китая.

9. В любом случае, однако, очевидно, что команда Си Цзиньпина — Ли Кэцяна демонстрирует готовность к большей, чем у предшественников, активности, а подчас и жесткости внешнеполитического курса, к расширению диапазона и более гибкому использованию внешнеполитического инструментария страны.

Обращает на себя внимание употребление в статье Ян Цзечи понятия «красная черта» («bottom line») в контексте декларируемой решимости Китая защищать свои законные интересы. Симптоматично и обещание «не уклоняться в дипломатической работе от споров и проблем любого рода»⁸.

В этом плане показательным является изменение подхода Китая к проблеме разногласий с рядом соседних государств о линии прохождения границы. Если раньше данная тема особо не обсуждалась, то теперь открыто признается, что у Китая, граничащего с 14 государствами по суше и с 8 по морю, имеются «споры о суверенитете» с 10 из них. Нередко положение о приверженности страны «защите суверенитета и территориальной це-

лостности» подается в одной связке с задачами «качественного совершенствования национальной обороны» и «превращения Китая в мощную морскую державу»⁹.

Характерно и то обстоятельство, что в 2013 г. Китай начал чаще использовать потенциал своей экономической дипломатии, регулярно прибегая здесь к методам не только «пряника», но и «кнута». Например, на какое-то время были заморожены контакты Пекина на высшем уровне с Европейским союзом. Это подавалось как реакция на встречи официальных лиц европейских государств с далай-ламой, однако очень похоже, что не менее существенным фактором было применение ЕС повышенных тарифов к импортируемым из КНР солнечным батареям. Высокая заинтересованность переживающей экономическую стагнацию Европы в стабильных торгово-экономических связях с Китаем обусловила в конечном счете решение чувствительного вопроса в пользу Пекина, после чего и началась подготовка к очередному саммиту ЕС — КНР (прошел в ноябре).

Создается также устойчивое впечатление, что Китай сознательно несколько тормозит двустороннюю торговлю с Японией, наказывая Токио за отстаивание им своей позиции по островам Сенкаку-Дяоюйдао. Так, по данным китайской таможенной статистики, за три квартала 2013 г. ее объем сократился на 7,9% по сравнению с девятью месяцами 2012 г., в т.ч. импорт КНР из Японии упал на 12,1%. При этом внешнеторговый товарооборот Китая в целом вырос за этот период на 7,7%, в т.ч. импорт на 7,3%.

В то же время Пекин демонстрирует жесткий подход¹⁰ далеко не по всем тем азимутам своей внешней политики, где имеются трения и несовпадение позиций. Так, больший, чем в предшествующие годы, настрой на поиск компромиссных решений просматривался в 2013 г. в отношениях Китая с Индией и с Вьетнамом. Можно сказать, что в целом внешняя политика Пекина становится более тонко нюансированной и по-настоящему дифференцированной, что, помимо прочего, говорит и о повышении уровня китайской дипломатии.

10. Вполне закономерно, что в экспертных кругах набирающего и все более явно ощущающего собственную силу Китая достаточно активно обсуждаются возможные параметры и качественные характеристики формирующегося внешнеполитического курса страны на среднесрочную перспективу.

Примером такого рода служит дискуссия группы политологов-международников, организованная журналом МИД КНР «Шицзе чжиши» («Знания о мире»)¹¹. Их совокупный прогноз ориентирует на повышение международной ответственности, рост влияния как «твердой», так и «мягкой силы» страны и поступательное наращивание вклада Китая в общемировые процессы. В то же время в числе конкретных сфер международной жизни, где КНР может инициативно предложить мировому сообществу общезначимый «общественный продукт», называется только «денуклеаризация и обеспечение стабильности на Корейском полуострове», трансформация шестисторонних переговоров в механизм обеспечения безопасности в Северо-Восточной Азии¹². Примечательно, что схожий сюжет развивает и Ван Ичжоу, полагающий, что Китаю по силам «попытаться создать новую систему безопасности в Азии»¹³.

11. В целом же прогнозы китайских политологов относительно внешнеполитического курса страны в предстоящее десятилетие выглядят размытыми, недостаточно конкретными и, пожалуй, менее смелыми, чем можно было бы предполагать, исходя из реалий внешнеполитической деятельности нынешнего руководства КНР в первый год его нахождения у власти.

Здесь сказываются разные факторы: и вполне понятное стремление не подхлестнуть ненароком «погоню за скороспелыми успехами» — недостаток, в который Китай легко впадает, и желание не давать каких-либо дополнительных аргументов многочисленным сторонникам теории «китайской угрозы». Вместе с тем, похоже, главное в другом: Китай еще находится на пути к превращению в державу с всеобъемлющими глобальными функциями, именно поэтому многие конкретные аспекты и параметры его по-

зиционирования в мире в настоящее время еще не поддаются корректному прогнозированию. Ведущий американский специалист по внешней политике КНР Дэвид Шамбо недавно квалифицировал Китай как «частичную державу», которая уже является «глобальным игроком», но пока еще не стала подлинно «глобальной силой»¹⁴.

Представляется, что именно продвижение от статуса «частичной державы» к положению и роли полноценной глобальной державы и составит стержень внешней политики пятого поколения лидеров Китая на весь период его пребывания у власти.

12. Последние годы правления Ху Цзиньтао ознаменовались активной дискуссией в стране об актуальности для нее внешнеполитических заветов Дэн Сяопина конца 1980-х — начала 1990-х годов. Хотя мнения разделились, в целом складывалось впечатление, что международная деятельность Китая объективно выходит за рамки ограничительных по своей сути заветов Дэн Сяопина. При новом руководстве страны какие-либо упоминания о них полностью прекратились. Китай, в противоположность главному завету Дэна, окончательно «вышел из тени» и все более активно проявляет себя во всех регионах мира и сферах международной жизни.

-
1. Выражение «черты преемственности и новизны» уже довольно давно широко используется китаеведами. Насколько нам известно, впервые оно было сформулировано Э.П. Пивоваровой в 1977 г. в докладе «Черты преемственности и новизны в экономической политике Хуа Гофэна».
 2. Хуан Жэньвэй. Шисянь «Чжунго мэнь» ин цзюйбэй дэ гоцзи тяоцзянь [Международные условия, необходимые для осуществления «китайской мечты»] // Чжунго шэхуэй кэсюэ бао. Пекин, 2013. 21 окт.
 3. Предложение о «совместном строительстве экономического пояса Шелкового пути» было высказано Си Цзиньпином 7 сентября 2013 г. в выступлении в Университете Назарбаева в Астане. См.: Beijing Review. 2013. 24 окт. (раздел «Documents»).
 4. Хуан Жэньвэй, Лю Хунсун. Чжунго хэпин фачжань даолу нэнфоу чэнгун дэ сань да бяочжунь [Три крупных показателя успешности или нет мирного пути развития Китая] // Чжунго вайцзяо. Пекин, 2013. № 1. С. 3–7. Здесь — С. 7,6.
 5. Как следует из лекции о мирном пути развития Китая, с которой бывший проректор Центральной партийной школы профессор Ли Цзюньжу выступил перед делегацией российских специалистов по БРИКС 23 сентября 2013 г. в Пекине, оба термина — и «мирное возвышение», и «китайская мечта» — были впервые сформулированы одной и той же группой исследователей под руководством Чжэн Бицзяня, в состав которой входили также Хуан Жэньвэй и сам Ли Цзюньжу.
 6. См.: Yang Jiechi. Innovations in diplomatic theory, practice // China Daily. Beijing, 2013. 17 Aug.
 7. Wang Yizhou. Opportunities and Challenges for China's New Leaders in Building Mutual Trust with the World // Global Asia. Seoul, fall 2013. Vol. 8, No. 3. URL: <http://www.globalasia.org/issue/ArticleDetail/457/Opportunities-and-Challenges-for-China's-New-Leaders-in-Building-Mutual-Trust-with-the-World-.html>.
 8. Yang Jiechi, Op. cit.
 9. Wang Yizhou. Op. cit.
 10. В Китае появились публикации, где выражается несогласие с распространенным в мире тезисом об «ужесточении» внешней политики Пекина в последние годы. См., например: Ван Фань, Лин Шэнли. Чжунго дэ вайцзяо чжэнцэ бянь цянин лэ ма? — Жухэ лицзе Чжунго синь вайцзяо [Стала ли внешняя политика Китая более жесткой? — Как понимать новую дипломатию Китая] // Дандай шицзе. Пекин, 2013. № 3. С. 23–27.
 11. Чжунго вайцзяо дэ «гэсин» [«Отличительные особенности» дипломатии Китая], Шицзе чжиши. 2013. № 12. С. 14–24.
 12. Там же. С. 23.
 13. Wang Yizhou. Op. cit.
 14. Shambaugh D. China Goes Global: The Partial Power. Oxford University Press, 2013.